Это развитие культа с неменьшей силой отражено в искусстве. Святослав закладывает в Вышгороде новый каменный храм в честь Бориса и Глеба. Теперь мы знаем, что это было грандиозное сооружение, почти не уступавшее по своим масштабам громаде Софийского собора в Киеве.[126] Святослав не достроил храма и умер; его дело продолжил Всеволод, но завершенный им величественный собор рухнул. Его вновь достраивал в 1111 г. Олег Святославич, а Мономах, соревнуясь с ним, украсил со сказочным богатством гробницы князей. Строительству грандиозного храма-мавзолея придается большое политическое значение. По предположению Л. В. Черепнина, с этапами этого строительства были связаны важные моменты развития русского летописания.[127] Памятники изобразительного искусства этой поры документируют расширение, точнее — изменение функций культа. Если раньше художники изображали Бориса и Глеба как целителей, «врачей безмездных», что оставалось существенным для сохранения влияния их культа в народе и в дальнейшем, то теперь их начинают представлять в виде святых воинов-феодалов, в их руках появляются мечи — выразительная эмблема феодальной власти («князь бо не туне мечь носит») и военного могущества. Возможно, что этот тип изображений Бориса и Глеба впервые появился в росписи каменного собора в Вышгороде.[128]

В заключение наших наблюдений нужно остановиться на маленькой «вставке», как бы случайно вклинившейся между житийной частью «Сказания» и «Сказанием о чудесах», — «О Борисе какъ бе възъръм».

На протяжении почти столетия усилиями княжеской власти и церкви культ Бориса и Глеба распространился довольно широко. Их первые чудеса как целителей болезней могли доставить новоявленным святым некоторый успех и в среде темного люда, пользовавшегося при недугах заговорами и услугами знахарей, носивших ладанки и амулеты. В XI—XII вв. появляются изготовлявшиеся киевскими или вышгородскими мастерами христианские заместители языческих амулетов — медные кресты-энколпионы (складни) с изображениями Бориса и Глеба.[129] Внутрь креста-складня могли класть какие-нибудь частицы со святого места (землю или траву с могилы святых князей и т. д.). Этими дешевыми изделиями, вероятно, широко торговали вышгородские церковники в дни праздников и особенно во время таких торжеств, как перенесение мощей. Изображения князей на этих мелких изделиях ремесленников-меднолитейщиков были столь миниатюрны и грубы, что вопрос о передаче действительного облика Бориса и Глеба не возникал. Какие-то иконные изображения святых князей были в их деревянных храмах. Их икону приказал написать Ярослав. Но по-настоящему вопрос о том, как их изображать, встал в 1111 г., при росписи огромного каменного храма их имени в Вышгороде; в этой росписи несомненно должны были быть изображения Бориса и Глеба. В связи с этим и предстояло узаконить уже определенное представление о внешнем облике погибших сто лет назад князей. Вероятно, к решению этого вопроса привлекался и епископ Лазарь, как старейший вышгородский церковник. Ничего реального о внешности князей он сказать явно не мог, но все же было установлено какое-то условное представление об этом, воплощенное в росписи храма-мавзолея.

Думаем, что с этим и связана считающаяся «вставкой» статья «О Борисе какъ бе възъръм», несколько напоминающая описание иконописного

[126] М. К. Каргер. К истории..., стр. 93.
[127] Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет»..., стр. 309, 330—331.
[128] В. И. Лесючевский. Вышгородский культ..., стр. 244—245.
[129] В. И. Лесючевский. Вышгородский культ..., стр. 241—242.